

1903

«Полицейский карьерист»
против «полужида»

16 августа 1903 г. министр финансов Сергей Юльевич Витте делал обычный «всеподцанейший доклад» в Петергофе. Необычно было только одно: накануне государь просил Витте прихватить с собой управляющего Государственным банком Эдуарда Плеске. Николай II встретил министра «очень милостиво» и около часа выслушивал различные его «предположения относительно будущего». И только когда Витте уже встал, чтобы проститься, император, «несколько стесненный, сконфуженный», объявил: «Я вас прошу принять пост председателя Комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске».

По существу это была отставка. В самодержавной России не существовало правительства в смысле «кабинета», члены которого связаны единством проводимого курса. Каждый из министров назначался лично государем и перед ним нес ответственность за политику, которую проводил в своем ведомстве, мало сообразуясь с мнением коллег. Точнее, сообразуясь с мнением того из министров, который в настоящий момент находился в фаворе у императора. Комитет же министров был совершенно формальной институцией, занятой многочисленными мелкими делами, формально требующими согласования нескольких ведомств, на тогдашнем жаргоне — «вермишелью». Кресло председателя Комитета хотя и числилось высшим в бюрократической иерархии, фактически служило местом предпоследнего упокоения административных старцев.

Сергей Витте на старца не походил. Министр финансов не только был бодр и полон энергии, но и претендовал направлять всю политику империи. Отправка Сергея Юльевича на «бездеятельную» должность была победой противного, бюрократического клана, возглавляемого другим претендентом на монопольное владение монаршим ухом — министром внутренних дел Вячеславом Константиновичем Плеве.

Борьба за влияние на Николая II была особенно сложна. С молодых ногтей государь обнаруживал склонность к фатализму, которая

только усилилась после женитьбы на Алисе Виктории Елене Луизе Бетризе, принцессе Гессен-Дармштадтской, в православном крещении получившей имя Александры Федоровны. Царь не любил принимать в сложных ситуациях вполне определенных решений, ожидая наставления и вдохновения свыше, в отношениях с инициативными министрами был уклончив и избегал решительных объяснений.

Программу своего царствования Николай II огласил 17 января 1895 года на приеме депутации земств, городов и дворянства. В ответ на адреса девяти земств, довольно неприлично потребовавших в этих поздравительных по жанру сочинениях помимо соблюдения законности и личных свобод еще и привлечения общества к делам внутреннего правления (читай конституции), государь произнес, поминутно опуская очи долу и внимательно разглядывая шапку, которую держал в руке: «Мне известно, что в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель».

Речь произвела неприятный шок даже не потому, что государь, думавший по-английски (дневник его пестрит англицизмами, вроде «весь день имели у себя дорогую Ольгу»), глядя в шпаргалку, лежавшую в шапке, оговорился и не исправился. «Бессмысленных» мечтаний по-русски быть не может, и в шпаргалке черным по белому было написано — «беспочвенными». Шпаргалку готовил все тот же бессменный Победоносцев, которому Николай II доверял столь же безусловно, как и Александр III. Реакция на речь была болезненной, уже через день по рукам стало ходить «Открытое письмо Николаю II», составленное П.Б. Струве. В нем говорилось, что речь царя бьет «по самым скромным надеждам» и тем вызывает на борьбу с самодержавием все «живые общественные силы». Шокировала речь не только радикалов. В.Н. Ламздорф, крупный дипломат и будущий министр иностранных дел, отметил в дневнике, что «речь-нахлобучка» «произвела самое печальное впечатление», а в провинции «находит самый гибельный отклик». Сенатор А.Ф. Кони назвал ее «злой выходкой». Речь произвела тягостное впечатление прежде всего потому, что «незабвенный родитель» «подморозил» Россию до глубокого внутреннего кризиса.

Консервация не удавалась, в стремительно меняющемся мире требовалось энергично отвечать на запросы времени. Отстранив общество от решения этих проблем, власть тщилась разрешить их сама. Но и во власти не было единства. Две существенно различные политические стратегии к концу века связывались с именами Витте и Плеве.

Вячеслав Константинович Плеве поначалу служил по судебной части, дослужился до прокурора Петербургской судебной палаты и в этой должности отличился такой решительностью в борьбе с «крамолой», что в 1881 г. был назначен директором Департамента полиции. На этом посту Плеве весьма успешно боролся с остатками «Народной воли», широко пользуясь услугами агентов-provokаторов, но понимал, что эта частная задача не может быть успешно решена без мер общего порядка. Вообще же видел спасение страны в «строгой общественной дисциплине во всех областях народной жизни, которые доступны контролю государства». Эту полицейскую дисциплину и пытался Плеве внедрять на всех постах, которые занимал, сделавшись уже к середине 1890-х гг. признанным лидером и идеологом консервативной «партии» в правительстве. В 1902 г., заняв наконец вождельный пост министра внутренних дел после убийства террористами Д. С. Сипягина, Плеве покрыл страну сетью полицейских охранных отделений, ранее существовавших только в Москве, Петербурге и Варшаве, наделив их широкими административными полномочиями. Эта система политического сыска, поставленная на широкую ногу и даже на научную основу начальником московского охранного отделения Зубатовым, считалась тогда в мире образцовой. Информация о революционерах, поступающая от «филеров», занимавшихся наружным наблюдением, и секретных агентов, через охранные отделения поступала в Департамент полиции, где тщательно систематизировалась и анализировалась. Однако эффективность этой системы была невысока, а некоторые ее элементы оказывали гораздо более разрушительное воздействие на власть, нежели революционное подполье само по себе. Самоубийственным средством борьбы с «крамолой» оказалась опасная игра полиции с агентами в «обследуемой среде» — пассивными (осведомителями) и активными (provokаторами) участниками революционных организаций. В результате истории оказываются не в состоянии, например, сказать, кто убил в сентябре 1911 г. премьер-министра П. А. Столыпина. То есть они твердо знают, что

сделал это Дмитрий Богров. Но вот в каком качестве он стрелял — члена революционной организации или агента департамента полиции, а Богров был и тем и другим, — установить невозможно.

Сергей Юльевич Витте прошел совершенно другую жизненную школу, и до конца дней оставался чужаком в петербургской бюрократической среде. Инженер, дослужившийся до управляющего Юго-Западными железными дорогами, был замечен Александром III после страшного крушения царского поезда 17 октября 1888 г. близ станции Борки, когда государь спас семейство, удержав на могучих плечах крышу разбитого вагона. Витте был единственным, кто осмелился еще до катастрофы в особой записке честно сказать Александру III, что российские железные дороги не приспособлены для гонок тяжеленного царского поезда с бешеной скоростью. Сделавшись директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов (1889), а затем и министром (1892), Витте сохранил стиль обхождения и мышления предпринимательской среды, где начинал карьеру. Стремясь к ускоренной модернизации отечественной экономики, Витте прибегал к усиленному вмешательству государства в хозяйственную жизнь, но идеал его был иной. «По условиям жизни нашей страны, — писал министр Николаю II в 1895 г., — потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости, и где государство только регулирует частную деятельность». Предлагавшиеся Витте решения, как правило, и были рассчитаны в перспективе на развитие «частного почина и личной предприимчивости».

Друг друга Плеве и Витте ненавидели лютой ненавистью. Витте в мемуарах честил Плеве «полицейским карьеристом». Плеве мемуаров сочинить не успел, но «золотое перо» полицейского лагеря, ренегат-народоволец Лев Тихомиров, явно передавал чувства шефа, аттестуя в своих дневниках министра финансов — столбового дворянина — «одесским полужидом». Не удивительно, что Плеве и Витте расходились в решении практически всех политических проблем, из которых особенно значительны были «вопросы» крестьянский, рабочий, национальный и дальневосточный.

Община или хутор

Самой острой российской проблемой был крестьянский вопрос. Реформы 60-х гг., освободив крестьянина от власти помещика, полностью подчинили его сельской общине — миру. Община была одновременно и собственником земли и властью. На мирские сборы содержались местные дороги, сельские церкви и школы, из них же выплачивалось жалованье лицам, занимавшим выборные должности по крестьянскому самоуправлению. Сельские старосты и волостные правления выполняли административные и полицейские функции, собирали статистические сведения.

После реформы до 80% крестьянских наделных земель оказались в общинном владении. Сельские сходы производили раскладку налогов между членами общины и распределяли между дворами наделные земли соответственно трудовым ресурсам крестьянской семьи. У неисправного плательщика надел могли отобрать, а самого его подвергнуть телесному наказанию (или денежному штрафу, или направить на общественные работы — крестьяне могли сами выбирать меру наказания, и, ввиду хронического безденежья, естественно, чаще всего выбирали розги) по приговору волостного суда.

Считалось, что такая организация предохранит крестьянство от «язвы пролетариата». Однако попытка искусственно затормозить модернизацию деревни успеха не имела. Процесс расслоения крестьян на зажиточных хозяев и пролетариев-батраков лишь незначительно замедлялся, а главным образом камуфлировался существованием общинных институтов.

В то же время община сыграла важную негативную роль в развитии аграрного кризиса в России. Поскольку все крестьяне были связаны круговой порукой в отбывании государственных податей, как денежных, так и натуральных (воинская, конская и дорожная повинность), община крайне неохотно и с большим трудом отпускала каждого потенциального плательщика. Между тем по не вполне ясным причинам тридцать лет, следовавшие за реформами, в деревне стали временем настоящего демографического взрыва (с 1867 по 1897 год сельское население европейской России увеличилось на 26 млн человек, то есть почти удвоилось). Избыточное население не могло покинуть деревню, образовалось «аграрное перенаселение», на селе было гораздо больше людей, чем могло прокормиться при существовавшей

технологии хозяйствования. Другой стороной перенаселения было крестьянское «малоземелье» — недостаток земель не истощенных варварской эксплуатацией с помощью допотопных методов (на общинных землях продолжало господствовать трехполье).

Мировой аграрный кризис в 1880—1890-е гг. привел к резкому падению цен на зерно. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств не совладало с таким падением доходности. Уже к середине 80-х гг. правительство было озабочено проблемой «оскудения Центра», экономического упадка и разорения крестьянства центральных губерний европейской России. Упадок выразился прежде всего в том, что малейший неурожай сразу же вызывал голод. Впервые это бедствие обрушилось на центральные губернии в 1874 г., затем голод повторился, в 1881 г. захватив более значительную территорию, а в 1891—1892 гг. голод охватил более 30 губерний европейской России. (Следует иметь в виду, что термин «голод» употреблялся в те времена совсем в не том значении, что позднее. Тогда голодом называлось такое положение, при котором крестьянский двор для обеспечения себя продовольствием вынужден был распродавать основные средства производства — сельскохозяйственные орудия и землю. Случаев голодной смерти формально зарегистрировано не было, но до двухсот тысяч крестьян, ослабленных недоеданием, погибли от посетившей те же губернии на следующий год холеры.)

Правительство пыталось облегчить положение крестьянства паллиативными средствами. Одной из таких мер была легализация крестьянских самовольных переселений (к концу 1870-х гг. противозаконно уходило на окраины империи до 40 тысяч душ ежегодно). Однако закон 13 июля 1889 г. лишь незначительно облегчил процедуру переселения, теперь нужно было получить разрешение не двух, а только одного министра (внутренних дел), кроме того, переселенцы на три года освобождались от всех податей и повинностей.

Второй мерой было введение новых паспортных правил, которые должны были облегчить крестьянам переход в города. Паспорта были введены в 1719г. петровским указом с чисто полицейскими целями — для борьбы с уклоняющимися от службы в регулярной армии. Вскоре после введения подушной подати ради удобства ее взимания правилами 1724 г. было запрещено крестьянам отлучаться без паспорта далее 30 верст от места постоянного жительства. С этого времени паспорт стал рычагом, при помощи которого контролировалось переме-

щение лиц податных состояний. О необходимости пересмотра паспортного законодательства, препятствовавшего «общественной и частной предприимчивости», в канцеляриях заговорили уже в период подготовки крестьянской реформы, но новые паспортные правила были введены только с 1 января 1895 г. Новшество было собственно два. Во-первых, вместо краткосрочных паспортов прежней системы, которые надо было раз в полгода-год хлопотно возобновлять, вводились пятилетние паспортные книжки. Во-вторых, паспорт можно было получить и тем лицам податных сословий, за которыми числились недоимки по общественным сборам, в самом паспорте отмечался размер недоимки, которую владелец документа должен был погасить до конца года, в противном случае полиция имела право паспорт отобрать.

Очевидно, что эти частные меры существа дела не касались. В решении же основного вопроса о крестьянском землевладении правительство Александра III взяло курс на укрепление общины. Закон 8 июля 1893 г. значительно ограничил свободу крестьян в проведении внутриобщинных переделов земли, а закон 14 декабря 1893 г. запретил крестьянам выход из общины без согласия «мира» (даже при досрочном погашении выкупного долга), продажу, залог и дарение наделов. Инициативный мужик вынужден был кланяться и унижаться перед соседями, ставить полведра, а то и ведро водки — только чтобы отпустили с миром.

При подготовке этих законопроектов в правительственных кругах ясно обнаружилось две партии. Плеве стоял во главе сторонников укрепления общины. Она была удобна и с фискально-полицейской точки зрения как «надежнейшее средство изыскания всех недоимок». Кроме того, Плеве разделял глубокое убеждение Победоносцева, который оправдывал существование общины «нищетой и отсталостью крестьянского населения». «В таком состоянии, — писал Победоносцев в своем «Курсе гражданского права», — только общинное хозяйство может обеспечить крестьянина от нищеты и бездомности, или в самой нищете, составляющей обыкновенное у нас явление — отдалить опасность голодной смерти». Следовательно, полагал Победоносцев, «не настало еще время прямо или косвенно способствовать разложению общинного землевладения, а надлежит напротив до времени оберегать его. Время его придет само собой, с естественным развитием производительных сил и с изменением хозяйственных условий». Пуще всего защитники общины боялись, как выразился госу-

дарственный контролер Лобко, появления «грозного сельского пролетариата».

Сторонником сохранения общины до времени был и Витте (в своих воспоминаниях он отметил, что «имел некоторое влечение к общине по чувству, сродному с чувством славянофилов»), но под влиянием практики взгляды его вскоре радикально переменялись. Уже в пояснительной записке к росписи доходов и расходов на 1897 г. он писал, что только образование «особой группы зажиточных крестьян» позволит преодолеть «неблагоприятные условия сельской жизни», и считал неизбежным развитие в сельской России капиталистических отношений. В 1898 г. Витте уже называл общину «рабством произвола» и предложил образовать особое совещание «для рассмотрения вопросов о развитии законодательства о сельском состоянии», то есть для радикального пересмотра правительственного курса в аграрном вопросе, но эта инициатива была провалена Плеве. По его настоянию Николай II распорядился оставить дело «без движения... впредь до особого повеления». С этого времени между Министерством внутренних дел и Министерством финансов разгорается острая борьба по вопросу об общине.

Апогея эта борьба достигла в 1902 г. 22 января Витте образовал при Министерстве финансов Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которому вменялось в обязанность изучить положение деревни и разработать меры к «улучшению быта и благосостояния крестьян». Были образованы 82 губернских и 536 уездных комитетов, в работе которых приняло участие около 12 тысяч человек. Совещание рекомендовало расширить имущественные и гражданские права крестьян, уравнивать их с другими сословиями, а главное — способствовать переходу крестьян от общинного к подворному и хуторскому землевладению, а для исполнения административных функций упраздняемой общины — создать волостные земства.

В пику виттевскому Совещанию в июне 1902 г. Плеве образовал при своем Министерстве внутренних дел Редакционную комиссию по пересмотру законодательства о крестьянах. Редакционная комиссия МВД, завершившая работу в октябре 1903 г., с одной стороны, признала зажиточное крестьянство «надежнейшим оплотом существующего порядка», а с другой, — главной государственной задачей провозгласила защиту бедных крестьян от «натиска на них людей, одаренных большей энергией, а иногда и большей неразборчивостью к

достижению намеченных целей». Признав хутор, то есть фермерское хозяйство, более совершенной формой хозяйства, Комиссия в то же время решительно высказалась против индивидуальной крестьянской собственности на землю, в пользу собственности общинной. Чтобы составленный законопроект не имел формы «канцелярского измышления», Плеве передал его для обсуждения в губернские совещания, составленные из «достоинейших деятелей, доверием общественным облеченных». В образованные по царскому указу от 8 января 1904 г. губернские комиссии крестьяне, однако, как-то не попали, а тщательно отобранные местные чиновники, земцы и землевладельцы безропотно одобрили выводы комиссии Плеве.

Партнерство или попечительство

Вторым существенным пунктом расхождения между Плеве и Витте было «фабричное законодательство». Министерство внутренних дел, политику которого направлял Плеве задолго до того как стал министром, смотрело на «рабочий вопрос» исключительно с полицейской точки зрения, видя главную задачу правительства в недопущении рабочих «беспорядков». В целях охранения «общественного спокойствия», по мнению министерства, не следовало допускать самостоятельной борьбы рабочих (в частности, и экономических стачек). Улучшение условий труда рабочих должно было быть делом государственного «попечения», правительство должно было подталкивать в этом направлении предпринимателей, одновременно гарантируя их от неприятностей прямого столкновения с фабричными.

Министерство финансов, по крайней мере со второй половины 1890-х гг., отстаивало иную стратегию разрешения рабочего вопроса. Оно считало главной задачей правительства установление законодательных рамок, в которых взаимоотношения фабрикантов и рабочих должны определяться прямым соглашением их друг с другом в зависимости от хозяйственного состояния предприятий и конъюнктуры на рынке труда, чего государственная бюрократия не могла учесть. Витте склонялся даже к разрешению экономических забастовок, если они не нарушали «общественного порядка», и считал допустимым создание организаций взаимопомощи рабочих, а всякое вмешательство административных властей, и в особенности полиции, в эти отношения

признавал крайне опасным, поскольку такое вмешательство могло затруднить условия предпринимательской деятельности, поставив предприятия в неравное положение, и отпугнуть иностранный капитал.

Главным объектом борьбы между двумя министерствами стала фабричная инспекция, созданная в 1882 г. для надзора за соблюдением фабричного законодательства. Первый фабричный закон, принятый по инициативе либерального министра финансов Н.Х. Бунге 1 июня 1882 г., запрещал труд малолетних и ограничивал 8 часами рабочий день для подростков. 3 июня 1886 г. был принят новый Закон «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и взаимоотношениях фабрикантов и рабочих», регулировавший отношения между нанимателями и работниками в более широких пределах. Закон устанавливал правила найма и увольнения рабочих, условия оплаты труда и наложения штрафов, запрещал натуральную форму расчетов. Одновременно Закон предусматривал суровые карательные меры за участие в стачках и подстрекательство к ним.

Закон был первым шагом в реализации либеральной программы Бунге, который полагал, что с проникновением социалистических идей в рабочую среду можно успешно бороться только путем «установления более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов», причем наилучшим способом такого согласования Бунге считал участие рабочих в прибылях предпринимателей. Фабричная инспекция и должна была способствовать постепенному установлению такой «тесной связи».

Министерство внутренних дел, напротив, полагало, что фабричная инспекция должна играть роль «специального полицейского учреждения, обязанного принимать меры к охранению порядка и спокойствия на фабриках и, таким образом, делать распоряжения в тон отрасли управления, которая составляет предмет губернской администрации». Министр внутренних дел потребовал передачи фабричной инспекции в его ведомство и укрепления ее полицейско-карательных функций. Сменивший Бунге на посту министра финансов консерватор И.А. Вышнеградский обещал передать инспекцию в Министерство внутренних дел, чтобы из инспекторов «сделали станových приставов». Однако передача не состоялась, поскольку сами промышленники опасались, что в ведении МВД инспекция будет еще более придирчивым институтом.

Сменивший Вышнеградского Витте рассматривал инспекцию в качестве института социального партнерства, который служил бы посредником при достижении практических соглашений между нанимателями и работниками. В марте 1894 г. на фабричную инспекцию было возложено наблюдение и за техническим состоянием предприятий, вследствие чего состав ее был значительно расширен. 11 июля 1894 г. Министерство финансов издало специальный «Наказ чинам фабричной инспекции», в соответствии с которым на них возлагалось «устранение всяких поводов к недоразумениям между фабрикантами и рабочими», «Фабричным инспекторам, — говорилось в «Наказе», — должны быть в одинаковой мере близки интересы как фабрикантов, так и рабочих, ибо только в объединении этих интересов и в законосообразном понимании их заключается залог правильного хода фабрично-заводского дела». Чинам инспекции предлагалось действовать «разумно, последовательно, без нарушения справедливых интересов промышленности».

В этот начальный период управления министерством Витте еще тешился иллюзиями относительно характера взаимоотношений работников и нанимателей в России. В циркуляре, изданном в декабре 1895 г. он объяснял происхождение стачек происками злонамеренных лиц, стремившихся «искусственно создать» в России «ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе» во имя «отвлеченных или заведомо ложных идей», «совершенно чуждых народному духу и складу русской жизни». «В нашей промышленности, — писал Витте, — преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим. Эта патриархальность во многих случаях выражается в заботливости фабрикантов о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писанного закона и принуждения».

Мощные рабочие стачки 1895—1896 гг. развеяли эти мечтания, «рабочий вопрос» приобрел невиданную остроту. Правительство пошло на ограничение рабочего дня в порядке общего законодательства. Законом 2 июня 1897 г. устанавливалась верхняя граница рабочего дня — 11,5 часов, а в предпраздничные и субботные дни — 10 часов. Средний рабочий день во всей фабрично-заводской промышленности

России на рубеже XX века составлял 11—11,4 часа и был несколько продолжительнее, чем в более развитых промышленных странах (в Англии, США, Дании и Норвегии он равнялся 9 часам, во Франции, Германии и Швеции — 10), что было вызвано необходимостью поддерживать конкурентоспособность отечественных производителей. Закон 2 июня 1897 г. не распространялся на предприятия, имевшие менее 20 рабочих. Тем самым значительная часть российской промышленности была вовсе изъята из сферы надзора фабричной инспекции, здесь распоряжалась полиция.

12 августа 1897 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр о борьбе со стачками, которым «рабочие беспорядки» приравнивались к «делам политического характера», расследование которых должно было вестись на основании «положения о государственной охране». Полиции предписывалось «выяснять причины рабочих волнений и устранять по возможности поводы к неудовольствиям в тех случаях, когда рабочие имеют основания жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации». Руководствуясь этими указаниями, охранные отделения перешли к осуществлению надзора за рабочими, совершенно игнорируя фабричную инспекцию.

Витте категорически высказывался против «введения полиции на фабрику». 12 марта 1898 г. Министерство финансов предписало чинам фабричной инспекции «никоим образом не передавать» своих обязанностей полиции. Между Министерством финансов и Министерством внутренних дел возник открытый конфликт, принявший особенно острые формы в Москве, где усилиями обер-полицмейстера Д.Ф. Тренева «дело постоянного надзора за взаимными отношениями и порядком на фабриках и заводах, — по выражению прокурора московского окружного суда А.А. Макарова, — "уплыло" из рук фабричной инспекции и перешло в руки полиции». Рабочие, недовольные решением фабричного инспектора, могли подавать жалобы на имя обер-полицмейстера или обращаться в охранное отделение.

Инициатором московских новшеств был Сергей Владимирович Зубатов. В юности он сам участвовал в социалистических кружках и даже в 1882 г. был исключен из гимназии за политическую неблагонадежность, но быстро стал на праведный путь, пошел на службу в полицию и к 1896 г. дослужился до начальника Московского охранного отделения. Зубатову удалось убедить московского градоначальника

Д.Ф. Тренева и генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, что «одни репрессивные меры» эффективны только «пока революционер проповедует чистый социализм», но «когда он начинает эксплуатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних репрессивных мер мало, а надлежит не медля вырвать из-под его самую почву». Полиция должна была «идти в народ»: «Где пристраивается революционер, — писал Зубатов, — там должна быть и государственная полиция».

В сентябре 1900 г. в новой докладной записке великому князю Зубатов сформулировал программу более конкретно. Следовало обезоруживать «массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положения на почве мелких нужд и требований (большего масса никогда сама по себе и за раз не просит). Но обязательно это должно делаться самим правительством и притом неустанно, без задержки». Опекать и организовывать рабочих, помогая добиваться уступок у фабрикантов, должна была полиция.

С мая 1901 г. Зубатов начал проводить регулярные воскресные совещания рабочих в аудитории Исторического музея, прозванные «Зубатовским парламентом», где выступали с лекциями ученые экономисты. Летом 1901 г. зубатовскими агентами в Минске была образована Еврейская независимая рабочая партия. 14 февраля 1902 г. был утвержден устав московского «Общества взаимного вспомоществования в механическом производстве», а уже 19 февраля общество провело с благословения полиции невиданную манифестацию, по выражению Зубатова, «генеральную репетицию управления народными громадами» у памятника Александру II в московском Кремле. Манифестация, в которой участвовало до 50 тысяч человек, проходила в образцовом порядке: «При пении гимна... рабочие проходили нога в ногу мимо великого князя и его свиты, в составе которой был не менее знаменитый, чем Зубатов, в полицейском мире П.И. Рачковский, заведовавший политической агентурой за границей».

Тогдашний министр внутренних дел Д.С. Сипягин отнесся к новациям Зубатова настороженно и газетную рекламу его начинаний прекратил. Начальник главного управления по делам печати Н.В. Шаховской разослал циркуляр, запрещающий пропагандировать манифестацию в качестве события «как бы указывающего на официальное признание существования у нас особенного класса рабочих». Однако в апреле 1902 г. Сипягин был убит террористами, а занявший, нако-

нец, пост министра внутренних дел Плеве, посетив Москву, одобрил зубатовский опыт, который решено было распространять и за пределами московского промышленного района. Агент Департамента полиции Мария Вильбушевич, участвовавшая в создании Еврейской независимой рабочей партии, была командирована в Вильно «для постановки соответственного рабочего движения».

Заручившись поддержкой министра, Зубатов повел дело более энергично. 26 июля 1902 г. он устроил в знаменитом московском трактире Тестова встречу с фабрикантами, на которой убеждал их, что «торгово-промышленное сословие может найти искреннее сочувствие и защиту своих законных прав только в охранном отделении». Промышленники, которых зубатовские организации принуждали к выполнению требований рабочих, хотя и «справедливых» по мнению полиции, но не всегда законных, восстали. Председатель московского биржевого комитета Ю.П. Гужон представил министру финансов жалобу на действия Зубатова от лица всей московской торгово-промышленной корпорации.

В конце 1902 г. Зубатов был удален из Москвы, но не понижен, а повышен, сделавшись чиновником особых поручений при министре. А вскоре и вовсе был вознесен на самый верх полицейской пирамиды в результате интриги, возможной только в императорской России периода упадка. Начальник заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковский представил по начальству собранные им материалы, неопровержимо доказывающие, что пользующийся особым доверием и почитаемый за провидца в семье государя «доктор Филипп из Лиона» — шарлатан и мошенник, разыскиваемый французскими властями. Усердие не по разуму было сурово наказано. Рачковского с треском выгнали со службы, его место занял Ратаев, а во главе Особого отдела Департамента полиции был поставлен находившийся в контрах с Рачковским Зубатов. Зубатов принялся повсеместно насаждать московский опыт полицейского «попечения» о рабочих. Особенно большого влияния зубатовские рабочие организации достигли в Минске, Киеве, Николаеве, Харькове и Одессе. Плеве с удовлетворением сообщил Витте, что отныне «полицейское спокойствие государства в руках Зубатова, на которого можно положиться».

Витте зубатовщину считал опасной, он был убежден, что эта авантюра приведет к «возникновению крупных недоразумений на фабриках и заводах». Витте оказался прав. Летом 1903 г. зубатовским ор-

ганизацшм, начавшим стачку в Одессе, не удалось удержать движение в рамках экономических требований. Руководство стачкой перешло к социал-демократам, а одесская забастовка вылилась в волну стачек, парализовавших промышленность всего юга России.

Плеве распорядился о закрытии Еврейской независимой рабочей партии, а ее создателя Зубатова, затеявшего к тому же интриговать против министра, отправил в отставку. Однако от самой идеи полицейской опеки над рабочими Плеве не отказался. Только вместо бескорыстного Зубатова, искренне предполагавшего отстаивать интересы рабочих, главным проводником политики «полицейского социализма» был поставлен священник Георгий Гапон, не брезговавший брать деньги и от Зубатова за сведения о рабочем движении, и от Плеве за сведения о зубатовских организациях, и от доверенного лица японского посла в Париже на покупку транспорта с оружием для русских революционеров. Синод православной церкви даже отстранил было Гапона от обязанностей за «моральную греховность», но Плеве был нужен именно такой подручный. Рабочие кружки, заводимые по почину Гапона, радикально отличались от зубатовских, они не пытались выступать посредниками между рабочими и нанимателями и не поддерживали стачечников, а преследовали цели исключительно благотворительно-просветительские, как и созданное в августе 1903 года на их основе и на деньги Департамента полиции объединение — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

Около этого времени Плеве одержал над Витте еще одну победу: 30 мая 1903 года фабричная инспекция, оставаясь формально в ведении Минфина, была фактически подчинена МВД. Губернаторы получили право требовать отчеты и отменять решения фабричных инспекторов. Витте твердил, что связь с полицией лишает инспекцию «нравственного авторитета в глазах рабочих» и делает ее органом «совершенно беспомощным для дела». Плеве продолжал настаивать на полной передаче фабричной инспекции в МВД, где был создан специальный Департамент труда.

«Иногородцы» и «окраины»

Вопрос о конституции — реформе государственного устройства — к концу века оказался тесно связан с проблемой гражданского равен-

ства, уже не в социальном плане, как во времена декабристов, а в плане национальном. На приеме в Зимнем дворце 1 января 1902 г. Витте доказывал военному министру А.Н. Куропаткину неизбежность «для земства стать силою, ограничивающей самодержавие». Куропаткин тревожился: если «дадут конституцию и представительное собрание, то депутаты с окраин... дружно соединившись, отвоюют себе права, которые приведут Россию к штатам, к государству, состоящему из конгломерата народностей, но не к великой русской державе...». Окраины и «инородцев» следовало по этой логике держать в черном теле. «Давление, которое мы оказываем на окраины, — возразил Витте, — приведет нас скорее к революции, чем если бы мы дали окраинам относительную свободу».

Он вообще был убежден, что «вся ошибка нашей многодесятилетней политики — это то, что мы до сих пор не осознали, что со времен Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская Империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX вв. вести политику, игнорируя этот исторически капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, — их религию, их язык и проч. Девиз такой империи не может быть: "Обращу всех в истинно русских". Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу».

В силу этого Витте решительно выступал против всех ограничительных мер в отношении «инородцев», а в своей вотчине — экономической политике — действовал вразрез с общими национально-ограничительными мерами. Свою позицию Витте не скрывал и однажды даже вполне откровенно высказал ее Александру III, в результате чего приобрел репутацию «друга евреев». На вопрос государя: «Правда ли, что вы стоите за евреев?» Витте в свою очередь спросил царя, «может ли он потопить всех русских евреев в Черном море». «Если может, — продолжал Витте, — то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как в конце концов не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными государя».

Вячеслав Константинович фон Плеве, будучи «истинно русским» человеком, в национальном вопросе придерживался жесткой линии. В 1899 г. он был назначен статс-секретарем по делам Финляндии и проводил там русификаторскую политику с таким усердием, что мирные финны массой двинулись в эмиграцию, а наиболее горячие взялись и за оружие.

В 1903 г. благодаря решительной поддержке Плеве был принят указ, давно лоббируемый главнокомандующим на Кавказе Г.С. Голицыным, о конфискации всего движимого и недвижимого имущества армянской церкви. Голицын рассчитывал таким образом лишить средств революционных пропагандистов. Проводить указ в жизнь пришлось с помощью войск, причем в нескольких местах, в том числе в Эчмиадзине — резиденции католикоса, — произошли кровавые столкновения. Через год указ отменили, поскольку он совершенно не достигал цели и напротив способствовал революционизированию Кавказа, но отношения правительства с доселе вполне лояльными армянами были напрочь испорчены. Витте, проведенный на Кавказе молодые годы, решительно возражал против этой меры в Комитете министров и вообще настаивал на необходимости особых учреждений на Кавказе на том основании, что «племена Кавказа суть азиаты, у которых особая психология и особые понятия о гражданственности».

Особенно решительно Плеве обрушивался на евреев. Мотивы этой специальной нелюбви министра к евреям в отечественной печати обсуждать было не принято, но в разговорах с иностранцами Плеве давал вполне откровенные разъяснения. 10 августа 1903 г. он принял лидера сионистского движения Теодора Гершля, которому развил свои взгляды на «еврейский вопрос». «Русское государство, — считал Плеве, — должно стремиться к тому, чтобы его население было однородным». Понимая, однако, что невозможно «устранить всех различий религий и языков», он тем не менее считал должным «требовать от всех народов нашей империи, следовательно, и от евреев, чтобы они относились к русскому государству с патриотическими чувствами. Мы хотим ассимилировать их и идем к этой цели по двум путям: по пути высшего образования и по пути экономического подъема. Тому, ...о ком мы вправе полагать, что благодаря своему образованию и благосостоянию он стал сторонником существующего строя, — тому мы даем гражданские права». Плеве посетовал, что эта ассимиляция «протекает, однако, весьма медленными темпами». Но «благодетения

высшего образования» готов был «предоставить лишь ограниченному числу евреев, так как иначе скоро не окажется работы для христиан».

Плеве убеждал Герцля: «Я не враг евреев. Я их знаю очень хорошо, я провел среди них мои юношеские годы в Варшаве, я в детстве постоянно играл с еврейскими детьми... Я хотел бы поэтому с большой охотой сделать что-нибудь для евреев. Я не хочу отрицать... что положение русских евреев не является счастливым. Если б я был евреем, я, вероятно, был бы также врагом правительства». Образование собственного еврейского государства, энтузиастом которого был Герцль, куда могли бы переселиться несколько миллионов евреев, Плеве находил «чрезвычайно желательным» и даже уверял, что российское правительство готово воздействовать в соответствующем направлении на правительство Оттоманской империи, куда входила Палестина. Однако министр подчеркивал, что Россия не желает «потерять всех наших евреев. Интеллигентные и состоятельные элементы, могущие ассимилироваться, мы охотно оставили бы у себя, от бедных же и мало культурных мы бы охотно избавились».

Руководствуясь этими общими соображениями, Плеве не только не находил нужным ослаблять стеснительные для евреев законы, но и не стремился снизить накал бытового антисемитизма в черте еврейской оседлости. Когда в Кишиневе 6—7 апреля 1903 г. разразился страшный еврейский погром, в ходе которого по неполным официальным данным было убито 45 человек, ранено около 400 и разрушено 1300 еврейских домов и лавок, полиция и войска бездействовали и вмешались только через 30 часов после начала «беспорядков». Более того, от правительства не последовало никакого публичного заявления с осуждением погрома, а большинство его участников были оправданы судом или, получив небольшие сроки, вскоре амнистированы. Тем самым правительство в глазах простонародья поощряло погромы. Они и не замедлили повториться осенью 1903 г. в Гомеле и Могилеве.

Поразительная «нераспорядительность» полиции и войск при погромах бросалась в глаза современникам, которые были уверены, что Министерство внутренних дел пыталось «канализировать» недовольство масс экономическим положением, обратив это недовольство на евреев. Некоторые высказывания Плеве позволяют заключить, что подобный ход мыслей был ему не чужд. Например, в 1902 г. он говорил корреспонденту американского журнала «Russian Correspondence»,

что «в России нет революционного движения, есть только евреи, которые и являются истинными врагами правительства».

Политические противники — либералы и социалисты — прямо обвиняли Плеве в организации погромов. В нашем распоряжении нет свидетельств, которые позволяли бы это безусловно утверждать. Знаменитое письмо Плеве бессарабскому губернатору фон Раабену, в котором он предупреждал губернатора о готовящемся погроме и настоятельно рекомендовал его «прекратить мерами увещания, вовсе не прибегая, однако, к оружию», было фальшивкой. Нет ничего удивительного, однако, в том, что весь мир принял фальшивое письмо за подлинное, поскольку, по словам товарища министра В.И. Гурко, «сам Плеве, прочитав его в "Освобождении"... подумал, что оно действительно было им подписано», и собирался устроить нагоняй служащим, которые осмелились «подсунуть» ему к подписи такое письмо.

В осторожности своих сотрудников Плеве не мог быть безусловно уверен. Антиеврейские настроения министра были широко известны, и это способствовало распространению подобных взглядов между чинами министерства. Дошло до того, правда уже после гибели самого Плеве, что прокламации, призывающие к погромам, печатались в секретной типографии Департамента полиции. Прodelывал это в 1905 г. жандармский офицер Комиссаров, с ведома по крайней мере ближайшего своего начальства.

Более того, Плеве сыграл важную роль в укреплении антисемитской идеологии и во всемирном масштабе. Именно он способствовал опубликованию самой знаменитой антиеврейской фальшивки, сыгравшей зловещую роль в XX веке и продолжающей морочить головы нашим современникам. С 28 августа по 7 сентября 1903 г. в нескольких номерах петербургской газеты «Знамя», издававшейся тем же Паволаки Крушеваном, которому принадлежала и кишиневская газета «Бессарабец», статьями которой был спровоцирован кишиневский погром, была напечатана «Программа завоевания мира евреями», получившая позднее широкую известность под названием «Протоколы сионских мудрецов».

«Протоколы» представляют собой якобы стенограмму заседания всемирных лидеров евреев, планирующих завершающую часть операции по захвату власти во всем мире. Инструментами этой борьбы были университеты, школы и пресса, распространяющие идеи либе-

рализма и равенства, которыми со времен Французской революции евреи подрывали основы традиционных монархий в Европе. Российская империя представлена в «протоколах» последним препятствием на пути установления всемирного еврейского правления.

Первоначально неизвестный владелец списка предложил его к публикации относительно благопристойной правой газете Суворина «Новое время», но там побоялись цензурных репрессий, российское законодательство формально запрещало «натравливать одну часть населения на другую», а отношения Суворина с властями были сложными. Крушеваи обратился к министру внутренних дел В.К. Плеве, с которым был хорошо знаком, — румынский боярин Крушеван и потомок прибалтийских немцев фон Плеве, как «истинно русские» люди, оба были деятельными членами первой в России националистической общественной организации — «Русского собрания», созданного в Петербурге в 1900 г. Плеве дал соответствующие распоряжения цензурному ведомству, и публикация состоялась.

Трудно вообразить себе, что Плеве, возглавлявший Департамент полиции с 1881 по 1894 г. и вернувшийся в ведомство в качестве министра в 1902 г., не знал, что «Протоколы» были сфабрикованы между 1897 и 1899 гг. во Франции. Сырьем для составителей «Протоколов» послужил памфлет французского публициста Мориса Жоли «Диалоги в аду между Макиавелли и Монтескье» (написанный в 1864 г.). Саморазоблачительные речи, вложенные Жоли в уста «Макиавелли», в котором тогдашний читатель легко узнавал Наполеона III, сделались постановлениями «мудрецов». Произведена была фальшивка по указанию главы заграничной агентуры Департамента полиции Петра Ивановича Рачковского, который вообще любил артистические подделки документов и часто пользовался этим приемом.

Во всяком случае тогдашним сотрудникам Департамента полиции было известно доподлинно, кем и когда сфабрикованы «Протоколы». Об этом свидетельствует эпизод с монаршим ими увлечением. В 1905 г. подарочное издание «Протоколов» было поднесено Николаю II. Книга произвела на него глубокое впечатление, о чем свидетельствовали высочайшие пометы на полях: «Какая глубина мысли!», «Какое точное выполнение своей программы!», «Наш 1905 год точно под дирижерство мудрецов», «Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства» и т. д. Лидеры крайне правых обратились в Министерство внутренних дел за разрешением широко использовать

«Протоколы» для идеологической борьбы с «воинствующим еврейством». Тут министр внутренних дел П.А. Столыпин, отличавшийся от Плеве несколько большей моральной щепетильностью, велел произвести секретное расследование, которое не заняло много времени — изготовители фальшивки хотя и оставили службу по полицейскому ведомству, обретались в добром здравии. Николай II был глубоко потрясен и на проекте использования «протоколов» начертал резолюцию: «Протоколы изъять, нельзя чистое дело защищать грязными способами».

«Протоколы», однако, свою роль сыграли. Помимо разжигания антисемитских настроений, у них была вторая цель, ныне совершенно забытая, а тогда для Плеве — главная. Они должны были дополнительно скомпрометировать в глазах царя «защитника евреев» Витте и были картой в игре, которую вел против него Плеве.

«Маленькая победоносная война»

Противоположные позиции Витте и Плеве занимали и относительно внешней политики, точнее, того ее направления, которое приобрело особую остроту в начале XX века. Дальневосточный узел международных противоречий Витте предлагал осторожно распутывать, Плеве готов был его разрубить.

Первые контакты России с Японией были установлены в середине XIX века, когда Япония вышла из изоляции. В 1855 г. в Симодэ двумя державами был подписан договор, установивший между ними границу на Курилах между островами Уруп и Итуруп. Однако когда Россия принялась за освоение Сахалина, считая его своим владением, это вызвало протесты со стороны Японии. Спор был разрешен в 1875 г., когда в Петербурге был подписан новый договор, по которому Россия получила Сахалин в обмен на 18 островов Курильской гряды. Отношения между двумя странами были вполне добрососедскими до тех пор, пока Япония не начала экспансию на материке. В 1895 г. она разгромила слабую китайскую армию и вынудила Поднебесную империю подписать в Симонсеки унижительный договор. Китай отказывался в пользу Японии от сюзеренитета над Кореей и кроме того уступал ей Тайвань и Ляодунский полуостров.

Утверждение Японии на материке вызвало тревогу великих держав. Россия, поддержанная Германией и Францией, заставила Япо-

нию отказаться от территориальных приобретений, ограничившись контрибуцией (причем Тайвань и Ляодунский полуостров оставались в составе Китая, а Корея получала независимость).

В 1896 г. Россия и Япония договорились о равных правах в Корее. Проникновение России в Корею велось финансовыми методами, в 1897 г. был открыт Русско-Корейский банк, управление корейскими государственными финансами было передано российскому советнику, а в корейской армии появились русские инструкторы.

Одновременно Россия вполне воспользовалась «благодарностью» Китая. В 1896 г. крупный сановник, фактический правитель Китая Ли Хунджан, которому Витте преподнес в «подарок» бриллиант ценой в миллион рублей, заключил с Россией договор об оборонительном союзе. Чтобы обеспечить быстрое прибытие в случае нужды российских войск, тем же договором Русско-Китайскому банку была предоставлена концессия на сооружение Китайско-Восточной железной дороги от Читы до Владивостока по территории северной китайской провинции — Маньчжурии, на которую положила глаз Япония. Акционерное общество КВЖД формально считалось частным, но полностью контролировалось российским правительством. Более того, в 1898 г. Россия добилась от Китая права на аренду южной части Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Все эти акции были восприняты Японией как нежелание России учитывать японские «интересы», отношения между державами испортились.

Положение осложнялось тем, что Россия и Япония были не единственными конкурентами в борьбе за преобладание в приходящей в упадок Поднебесной. Урвать свой кусок норовили все великие державы. Североамериканские соединенные штаты провозгласили доктрину «открытых дверей и равных возможностей» для всех держав в Китае. Германия немедленно заняла бухту Цзяочжоу (Циндао), а Англия — Вэйхайвей. В 1899 г. в Китае поднялось восстание. Направляло его тайное общество Ихэтуань (буквально — «Кулак во имя справедливости и согласия»), на знаменах которого изображался красный кулак, почему иностранцы называли восстание «боксерским». Восставшие вроде бы выступали против императорского правительства, отдавшего страну на растерзание европейцам. Но при этом нередко вместе с правительственными войсками громили заведения, принадлежавшие иноземцам. Иностранцам в Китае пришлось туго. После долгих и бесплодных попыток призвать к порядку законное китайское правительство в 1901 г.

соединенные силы великих держав жестоко подавили восстание и заняли Пекин.

Россия ради обеспечения безопасности КВЖД оккупировала северную Маньчжурию. После восстановления в Поднебесной относительного порядка в 1902 г. Россия заключила договор с Китаем о выводе своих войск в течение полутора лет, но взамен потребовала гарантий обеспечения своих интересов в Маньчжурии, и том числе добилась обещания китайского правительства не предоставлять другим державам концессий на этой территории. Исполнение этого требования было особенно сильно по японским интересам и амбициям.

Япония принялась за непосредственную подготовку к войне с Россией. В 1902 г. она заключила с Англией союзный договор, в силу которого Англия обязывалась соблюдать нейтралитет в случае войны Японии с какой-либо одной державой и оказывать Японии военную помощь в случае войны ее с двумя и более державами. Договор метил против России.

Войны можно было бы избежать. И к этому всячески стремился Витте, рассчитывавший на эффективность отработанных им приемов экономического укрепления позиций России в регионах, где у империи были «особые интересы». Методика эта была с успехом апробирована на Персии, правительству которой в 1900 г. был предоставлен в результате усилий Витте при посредстве Ссудного банка крупный кредит, обусловленный обязательством погасить долги Англии и впредь не заключать иностранных займов без согласия России. Шахское правительство быстро растратило эти средства и уже в 1901 г. подняло вопрос о новом крупном займе. Российское правительство дало в сентябре на него принципиальное согласие, выставив новые условия, которые Иран вынужден был принять. Соглашение было оформлено в виде Декларации об изменении Туркманчайского договора 1828 г. Декларация 27 октября 1901 г. по существу подчиняла таможенную систему Персии российским интересам, шахское правительство не могло устанавливать на какой-либо границе более льготный таможенный тариф, нежели на русско-персидской, таможенные сборы поступали в российские банки. В результате политики Витте ему удалось добиться значительных преимуществ в Персии, поставив под контроль ее финансовую систему.

Методика Витте позволяла укреплять позиции России в области традиционных интересов Англии, избегая резкого столкновения с

ней. Но акции Витте падали, верх при дворе взяла могущественная «безобразовская клика», стремившаяся окончательно и быстро разрешить конфликт с Японией военной силой.

Еще в 1896 г. владивостокский купец Ю.И. Бринер получил от корейского правительства концессию на право рубки казенных лесов вдоль пограничных рек Ялуцзян и Мумэн-ула. Сам Бринер не сумел организовать лесопромышленное общество и стал искать покупателей на концессию. Предложением заинтересовалась группа дельцов, имевших значительное влияние при российском дворе. Во главе ее стоял отставной кавалергард А.М. Безобразов, еще в 1896 г. выступивший с проектом фактического завоевания Кореи, куда предполагалось ввести российские войска под прикрытием коммерческого предприятия. Войну с Японией Безобразов считал неизбежной. Вокруг Безобразова организовался сплоченный кружок сторонников обострения отношений с Японией, получивший в литературе наименование «безобразовской клики» (генеральный консул в Корее Н.Г. Матюнин, крупный помещик В. М. Вонлярлярский — бывший однополчанин Безобразова, великий князь Александр Михайлович, адмирал Е.И. Алексеев, камергер Н.П. Балашев, князь Ф.Ф. Юсупов и др.).

В феврале 1898 г. Вонлярлярский и Безобразов, заручившись поддержкой министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова, представили государю свой проект овладения Кореей при помощи протектируемой правительством частной компании. Николай II увлекся этой аферой и придал делу «государственную важность»: распорядился перекупить концессию Бринера, снарядить в Корею экспедицию, возложив общее руководство делом на великого князя Александра Михайловича, а «исполнительскую часть» — на Вонлярлярского и Безобразова. Операция проводилась в тайне от большинства министров, в том числе и от Витте. Дабы не посвящать министра финансов в затеваемую аферу, средства на нее были выделены из «кабинетских сумм» — личных средств государя императора. Лесные промыслы были убыточны, но под видом лесорубов на Ялу отправлялись войска.

В апреле 1902 г. на сторону «безобразовской шайки» стал Плеве, благодаря чему спор между двумя партиями решился в пользу партии войны. Уже в мае 1903 г. правительство провозгласило новый курс на Дальнем Востоке, где было учреждено наместничество во главе с адмиралом Алексеевым, послушным воле Безобразова. Сам Безобразов был назначен статс-секретарем Особого комитета по делам Дальнего

Востока. Все дипломатические сношения с Японией должны были теперь идти через заместителя и статс-секретаря, Министерство иностранных дел, во главе которого стоял осторожный и невоинственный Ламсдорф, было отодвинуто на второй план. Безобразов и компания быстро довели дело до войны, к которой Россия была совершенно не подготовлена.

«Безобразовская шайка» была для Плеве прежде всего рычагом, при помощи которого он и свалил, наконец, ненавистного Витте. Но был и второй мотив — полицейский, толкавший министра внутренних дел к поддержке авантюрного курса дальневосточной политики. Военному министру А.Н. Куропаткину, тревожившемуся, что затеваемая война будет стоить больших усилий и больших потерь, Плеве признался: «Вы настоящего положения России не знаете, чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

В августе 1903 г. Николай II поставил на Плеве, который оказался понятнее и ближе государю по духу. «Полицейский карьерист» получил полную свободу действий и меньше чем за год довел страну до взрыва. Расчет на «маленькую победоносную войну» не оправдался. Война приняла затяжной характер и вовсе не обещала быть победоносной. Крестьяне и фабричные волновались. Окраины клокотали. Сам Плеве был убит террористом в июле 1904 г. Программа уступок обществу, предложенная новым министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским, в наиболее существенной части — призыва народных представителей — была царем отвергнута. И тогда разразилась уже настоящая революция. Царю пришлось поступиться гораздо большим, нежели предлагали министры-либералы и даже назначить ненавистного Витте председателем Совета министров, получившего в думской монархии статус кабинета.

Подробнее на эту тему:

Игнатъев А.В. Витте — дипломат. М., 1989.

Кавторин В.В. Зубатовщина. СПб., 1992.

Кон, Норман. Благословение на геноцид. М., 1990.

Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984.